

Никита Башнин

Рец. на: Т.А. Базарова. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.*

Nikita Bashnin

Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; I.E. Repin Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture)

Rec ad op.: Т.А. Bazarova. Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateinye spiski P.P. Shafirova i M.B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg. (Issledovaniie i teksty). Saint Petersburg, 2016

Актуальность введения в широкий научный оборот документов о внешней политике Петровской эпохи определяется тем, что этот период характеризуется глубокими изменениями в государственном устройстве России, но, несмотря на обилие историографии, ряд явлений ещё не исследован. В последние годы XVII и первые десятилетия XVIII в. произошли перемены во внешней политике как России, так и Османской империи. Обусловленные внутренними факторами и международной ситуацией, они, в свою очередь, повлияли на расстановку политических сил в Европе.

В 2016 г. в свет вышло научно-критическое издание статейных списков вице-канцлера барона П.П. Шафирова и генерал-майора М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг., подготовленное Т.А. Базаровой. Книга построена по принципу, который стал широко признанным в последние десятилетия — исследование и тексты. Издание органично объединяет в себе несколько частей. В начале представлено историческое исследование переговоров, жизни и быта русских дипломатов в Стамбуле в конце XVII — начале XVIII в. Этот очерк рассказывает о процессе становления русской дипломатической службы и раскрывает процесс ведения и содержание переговоров. В отдельный раздел выделены источниковедческие наблюдения автора о таком своеобразном виде документов, как статейные списки русских дипломатов. Публикацию источников предваряет археографическое введение, за которым следуют статейные списки Шафирова и Шереметева 1711–1712 гг. Издание включает также научные комментарии,

словарь терминов и устаревших слов, список иллюстраций, указатели имён и географических названий.

В историческом очерке, озаглавленном «Петровские послы в Стамбуле и русско-турецкие мирные переговоры», Базарова, опираясь на широкий круг источников (статейные списки, указы Петра I, дипломатическая и частная переписка, походные журналы) и работы своих предшественников Т.К. Крыловой¹, С.Ф. Орешковой, В.А. Артамонова, О.Г. Агеевой сконцентрировала внимание на наименее изученных аспектах истории русско-турецких отношений. Прежде всего, это формальные и неформальные контакты русских дипломатов с европейскими коллегами, их повседневная жизнь в Стамбуле, а также перипетии переговорного процесса, особенно в 1711–1713 гг.

В Петровскую эпоху Россия отказалась от «оказиональной дипломатии» или «дипломатии караванов» и перешла на дипломатию европейского образца, основанную на постоянных дипломатических миссиях. Особо важно, что в очерке рассматриваются действия русских послов на востоке, где П.А. Толстой, П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев вели себя уже как европейские дипломаты с широким кругозором и пониманием событий, происходящих в Европе. Знакомство российской политической элиты с повседневной западноевропейской политической жизнью началось с середины XVII в. С.М. Шамин показал, что обзоры европейской прессы с этого времени регулярно готовились в Посольском приказе для царя и Боярской думы. По мнению исследователя, наибольшей

*Материал подготовлен при поддержке гранта Президента РФ МК-99.2017.6.

популярностью в русском обществе XVI—XVII вв. пользовались «памфлеты и новости», связанные с Османской империей, поскольку она представляла собой угрозу и для Европы, и для России².

Содержательное историческое исследование Базаровой является важным вкладом в изучение обстоятельств мирных переговоров между Россией и Османской империей после неудачного для Петра I Прутского похода (1711). Анализ работы русской дипломатической миссии не ограничивается только 1711—1712 гг., приводятся сведения о деятельности Е.И. Украинцева, П.А. Толстого и других дипломатов в конце XVII — начале XVIII в. Базарова по крупицам собрала сведения о тончайшей дипломатической игре Шафирова, который отстаивал интересы России. При этом она показала, что полномочные министры Шафиров и Шереметев воспринимались турками и даже западными коллегами как аманаты, т.е. заложники выполнения достигнутых соглашений. Однако русские послы успешно сдерживали в Стамбуле партию войны.

О непростой ситуации вокруг Османской империи того времени свидетельствуют дипломатические отношения русских дипломатов с иноземными коллегами. Так, англичанин Р. Саттон и голландец Я. Кольер первоначально поддерживали русскую миссию и выступили «медиаторами» (посредниками) при подготовке и заключении Константинопольского мирного договора России с Османской империей 5 апреля 1712 г. Русские послы рассчитывали на дальнейшее сотрудничество с англичанами, однако с весны 1713 г. в их отношениях наступило охлаждение. Этим был неприятно удивлён Толстой, стремившийся поддержать дипломатические связи: «Того ради сколько можно ласкати его (Р. Саттона. — *Н.Б.*) не престану, долже познаю его намерение» (с. 52—60). Но вскоре русским дипломатам стало ясно, что в Европе изменилась расстановка сил, Англия начала сближаться с Францией, и английский посол получил указ «пакости и предосуждения интересам» России «чинить».

В очерке Базаровой мало сведений об особенностях устройства и функционирования органов государственной власти Османской империи и внутренних противоречиях в этой стране. Дополнительные данные об этом позволили бы читателю яснее представлять линию поведения русских дипломатов. Так, часто того или иного великого везира казнили или заключали в тюрьму, но читателю не ясно, почему так происходило и какие последствия данные события имели для наших дипломатов. Отчасти это обусловлено тем, что со многими турецкими источниками нет возможности работать до сих пор, а из русских документов всей картины политических отношений подчас не видно.

Т.А. Базарова последовательно исследует личность Шафирова³. Шереметев был менее заметным деятелем и более безыскусным дипломатом⁴, в связи с чем ему уделено значительно меньше внимания. Отмечу некоторую мозаичность изложения материала (отчасти это обусловлено спецификой темы и замыслом автора). Например, читатель сначала узнаёт дату отъезда Шафирова из Османской империи и только много позже — время его прибытия в эту страну (с. 23, 48).

Статьейные списки — многогранные источники. Поэтому стоит обратить внимание на отражение в этих документах финансово-экономических реалий того времени и упоминаний купцов, в том числе английских и французских, которые давали в долг деньги Карлу XII (с. 162, 166, 306, 475, 524, 525, 539, 594 и др.). Интересны сведения о финансовых возможностях русских послов. Так, во включённом в статейный список 1711 г. письме Шафирова к Петру I содержится просьба к Осипу Соловьёву, чтобы он «через купцов из Амстердама сделал мне кредит в Цареграде от 5 до 10 тысяч червонных» (с. 182). Любопытны сведения о мехех, отправляемых в Стамбул для подкупа и подарков: «Соболей 11 сороков ценою на 5050 рублей», «к Москве с секретарем Степановым писано, чтоб тамо приговорили мехов черных лисьих и собольих добрых на 15000 рублей» (с. 192).

Исследовательница привела сведения о «кормовых деньгах», которые выделяла Порта русским дипломатам в левках (турецкие деньги). Однако информации о реальном размере сумм, которые отпускались из турецкой казны, и деньгах, которые были в распоряжении Шафирова и Шереметева, недостаточно. Вероятно, с привлечением дополнительных источников появится возможность детально рассмотреть финансовую сторону быта русских дипломатов. Интересны сведения об иерархии дипломатических представительств при Порте. Толстой предполагал их в таком порядке: «посол французской, посол аглийской, посол венецкой, посол галанской» (с. 27). Однако Базарова рассматривает отношения русских дипломатов с иностранными представителями в иной последовательности: французы, венецианцы, голландцы, англичане, австрийцы (с. 27—31). Автор показала, что русские дипломаты с большим доверием относились к людям, исповедующим православие. В связи с этим в исследовательском тексте появляется неоднозначное понятие — «крещёный грек» (с. 12, 86). Судя по всему, это синоним термина «фанариот», т.е. представитель православной греческой элиты Османской империи.

Т.А. Базарова является признанным знатоком карт и планов как особых исторических источников⁵. Однако в этом издании отсутствует

карта «дипломатических баталлий». В какой-то степени её заменяет замечательное полотно художника из французской дипломатической миссии Ж. — Б. Ванмура «Вид Стамбула от голландского посольства в Пере», написанное в 1720—1730-х гг. Ванмур провёл большую часть своей жизни в столице Османской империи, где создал множество исторических картин и стал одним из основоположников ориентализма в живописи⁶. Базарова установила, что к художнику обращались не только западноевропейские, но и русские заказчики. В частности, по заказу Шафирова этот живописец написал портрет Петра Великого⁷. В дальнейшем возможна находка картографического изображения Стамбула XVIII в. В таком случае можно будет отметить дворы, где проживали русские дипломаты и представители европейских стран, а также турецкие государственные органы и места, которые приходилось посещать послам. Это дополнит такой новаторский компонент исторического очерка Базаровой как описание резиденций русских послов в Стамбуле (с. 77—92).

Статейные списки — документы, возникшие в конце XV в. и исчезнувшие в последние годы царствования Петра Великого. Эти источники содержат широчайший круг сведений по разным вопросам внешней и внутренней политики, дипломатического церемониала, обычаев, нравов и культуры многих стран и народов. В научный оборот они вошли со второй половины XVIII в., и всё же, как отметил Н.М. Рогожин, «источниковедческое исследование посольских книг по существу только начинается»⁸. Отмечу необходимость составления перечня статейных списков Петровской эпохи с указанием места их хранения, подлинности, копийности, времени и места публикации (если они издавались). Это представляется особо актуальным с источниковедческой точки зрения, поскольку Базарова подчёркивает, что в тот период данный вид документов постепенно выходил из обихода дипломатов.

В источниковедческом исследовании Базарова показала, что статейные списки в Петровскую эпоху вопреки обычной практике могли составляться не в пути и стране пребывания, а в России, да ещё и после многих лет возвращения из посольства. Так, Шафиров вернулся из Османской империи в 1714 г., а статейный список под его руководством начал составлять «не ранее осени 1721 г.» (с. 129). Эта работа не была закончена вице-канцлером по причине следствия и суда над ним в 1723 г. Подчеркну, что исследовательница выявила неизвестные статейные списки Шафирова и Шереметева за март—май, август—декабрь 1713 г. и январь—июнь, июль—октябрь 1714 г., которые, по аргументированному предположению историка,

являются черновыми (с. 126—127). В дальнейшем возможно сравнительное источниковедческое изучение этих материалов.

Существенная источниковедческая проблема — компилятивность статейных списков. По моим подсчётам, в двух опубликованных источниках содержится более 220 документов (письма, реляции, указы). Базарова выявила значительную часть подлинников в РГАДА (ф. 89) и оговорила это в примечаниях к текстам статейных списков (с. 155). Самостоятельной источниковедческой задачей представляется попытка научной реконструкции состава документов русских дипломатов, которые они уничтожали в неблагоприятной ситуации. Так, например, поступил в 1710 г. Толстой перед своим заключением в Едикуле (Семибашенный замок). Трижды сжигал «все его царского величества собственноручные и другие указы, и письма государственного канцлера и других министров, и черные реляции, и другие корреспонденции, и записки, и другие дела» Шафиров (с. 57, 129, 146).

Археографическое введение содержит все необходимые элементы, а некоторая лапидарность этого раздела отчасти объясняется предваряющим его серьёзным источниковедческим исследованием о проблемах и перспективах изучения статейных списков. Базарова провела большую работу по выявлению почерков (3 почерка в статейном списке 1711 г. и 10 почерков в статейном списке 1712 г.), результаты которой приведены в сводной таблице (с. 154—155). Среди безымянных выделены и отождествлены почерки И.Н. Никифорова, И.В. Небогатого, Ф.А. Сенюкова, но основания для этого не очевидны. В связи с почерковедческим исследованием логичным было бы не «разбрасывать» иллюстрации с примерами почерков по тексту статейных списков (с. 168, 175 и т.д.), а представить их упорядоченными в конце археографического введения.

Приведённые выше наблюдения и замечания подчёркивают историческую и источниковедческую значимость труда Т.А. Базаровой для изучения Петровской эпохи и дипломатических отношений России с Османской империей в конце XVII — первых десятилетиях XVIII в. Это издание имеет большую научную ценность и, безусловно, привлечёт внимание не только историков, но и филологов, искусствоведов, культурологов и других специалистов.

Примечания

¹ Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 250—279; Крылова Т.К. Статейные списки петровских дипломатов

(1700–1714) // Проблемы источниковедения. Т. 9. М., 1961. С. 163–181; *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы: (1709–1714 гг.). М., 1990; *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России: XVIII век. М., 2013.

² *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011; *Шамин С.М.* Переводы иностранной прессы в русской книжной рукописной традиции до начала XVIII века: история изучения // Российская история. 2009. № 2. С. 11.

³ *Базарова Т.А.* Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров в донесениях и записках западноевропейских дипломатов // Петербург и страны Северной Европы. Вып. 12. СПб., 2011. С. 12–24; Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафилова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. В 3 ч. СПб., 2011.

⁴ *Базарова Т.А.* Михаил Борисович Шереметев (1672–1714): Материалы к биографии // Труды Государственного Эрмитажа: Материалы научной конференции «Петровское время в лицах – 2010. К 300-летию дворца Меншикова (1710–2010)». СПб., 2010. С. 74–78.

⁵ *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003.

⁶ *Нефёдова О.В.* Творчество Жана-Батиста Ванмура (1671–1737) и проблема ориентализма в западноевропейской живописи XVIII в. Автореф. дис. ... канд. искусств. М., 2009.

⁷ *Базарова Т.А.* Русские дипломаты в Стамбуле и художник французского посольства Ж.-Б. Ванмур (1671–1737): По материалам приходо-расходных книг П.П. Шафилова и М.Б. Шереметева 1711–1714 гг. // Труды Государственного Эрмитажа: Материалы научной конференции «Петровское время в лицах – 2016». СПб., 2016.

⁸ Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА: (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990. С. 7.

Татьяна Базарова

Рец. на: С.А. Мезин. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с.; Изд. 2. СПб.: Европейский Дом, 2017. 320 с.

Tatiana Bazarova

(Saint Petersburg Institute for History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: S.A. Mezin. Petr I vo Frantsii. Saint Petersburg, 2015; ed. 2: 2017

Проблема европейского влияния на развитие культурной и научной сфер России Нового времени не теряет актуальности в современной отечественной историографии. Сближению русской и западноевропейской культур способствовали заграничные путешествия Петра I, в отличие от предшественников на троне неоднократно с различными целями покидавшего пределы Российского государства. Среди его многочисленных поездок историки выделяют два больших путешествия, которые существенно повлияли на взаимовосприятие Европы и России: Великое посольство 1697–1698 гг. и посещение Западной Европы в 1716–1717 гг. Эти два события разделяли не просто 20 лет жизни монарха, между ними находилась целая эпоха. В 1716–1717 гг. правителям Западной Европы наносил визит глава государства, которое в течение нескольких лет успешно воевало против Швеции и, нарушая установившийся «баланс сил», создавало свою сферу влияния на Севере Европы.

Путешествие Петра I 1716–1717 гг. имеет обширную историографию. Ни один крупный исследователь Петровской эпохи не обходил вниманием это знаменательное событие. Историки стремились восстановить маршрут поездки царя по европейским государствам и его контакты с политиками, дипломатами и учёными, а также выявить политические и культурные последствия этих встреч, их влияние на российскую внутреннюю и внешнюю политику. В преддверии 300-летнего юбилея этого путешествия Петра I в Западную Европу увидело свет несколько монографий, авторы которых исследовали прежде всего культурные аспекты. Пребывание царя в Бельгии и Нидерландах изучал бельгийский исследователь Э. Вагеманс¹; архитектурные впечатления государя, полученные в Европе, и их воплощение на русской почве отражены в книге С.Б. Горбатенко².

Путешествие Петра I во Францию в 1717 г., которому посвятил монографию С.А. Мезин, стало значительной вехой в развитии